

Лики власти

УДК-321.01

МЕТАМОРФОЗА КАК ИСТОЧНИК ВЛАСТИ: ОТ СКАЗКИ К РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

А. И. Скиперских

В данной статье автор рассматривает метаморфозу в качестве источника власти. Власть является совершенной в той мере, в которой она способна наполняться энергией из различных источников. Проводя параллели со сказкой Ш. Перро «Кот в сапогах» и реальной политикой, автор рассуждает, насколько метаморфоза может являться, с одной стороны, важным источником власти, а с другой стороны — специфической технологией политической легитимации.

Ключевые слова: власть, метаморфоза, легитимация, делегитимация, дискурс

Кот — это такой сокращенный лев.

И. Бродский

Тело власти формируется посредством энергии из различных источников. Полнота претензий власти на политический дискурс целиком и полностью зависит от того, насколько совершенно и развито ее тело. Политической науке известны такие источники власти, как сила, богатство, авторитет, харизма, тайна. Как правило, власть наиболее часто рассматривается именно в данных контекстах. Но наряду с ними могут существовать и другие конструкции, способствующие усилению власти и раскрытию ее потенции. Одним из источников власти, наполняющих ее смыслами, является метаморфоза — способность власти преобразовываться, выступать многоликой и, отсюда, неуловимой.

В данной статье автор рассмотрит, как метаморфоза выступает источником власти, позволяющим самому субъекту власти разрешать проблему легитимности — продления политического жизненного цикла власти. Для подтверждения уникальных возможностей метаморфозы определять власть автору пришлось обратиться к тексту сказки Ш. Перро «Кот в сапогах», откуда ему предстоит осуществить проекции в реальный политический дискурс. Склонность власти к сменам состояния и формы в интересах политической легитимации в данной сказке разрешается с помощью большого количества сюжетов, что делает параллели между сказочным текстом и современной политической практикой достаточно недвусмысленными.

Тотальность власти незримо присутствует везде, и в этом сказочный текст не является каким-то расхождением с одним из основным принципов власти, предполагающим установление контроля над поведением индивида. В последнее время контроль становится все более опосредованным (камеры наружного наблюдения, определение нахождения абонента по номеру телефона и т.д.),

но это отнюдь не отменяет ощущения постоянного присутствия власти где-то рядом. Повседневная жизнь индивида в последнее время стала слишком зависимой от обязательств перед властью и ее многочисленными щупальцами — фискальными и кредитными учреждениями, репрессирующими индивида и способствующими утверждению в его сознании постоянной тревоги. Даже незначительная задолженность может быть основанием лишения индивида права выезда за границу.

В тексте сказки отмечается, что поля, через которые проезжает карета короля, принадлежат людоеду, поэтому люди, работающие на них, также не могут не ощущать на себе силу давления власти. Даже эпизод с купанием маркиза Карабаса в реке содержит в себе вполне определенные смыслы концентрированной политической нормы. Тотальность власти, ее невозмутимый тон распространяются и на регламентацию купания в реке и лов рыбы.

Для объекта власти четко предписаны правила поведения в конкретном политическом пространстве, ограниченном самой властью. На объект накладываются дисциплинарные ограничения — в этом также присутствует неумолимая, безапелляционная холодность власти, манерная, даже капризная субъективность. Кот неслучайно указывает конкретное место, где маркиз Карабас должен был имитировать небезопасное купание. Подобные коррекции, скорее всего, могут восходить к неким известным социальным практикам, предусматривающим сегрегацию мест для купания простолюдинов и крестьян от более или менее привилегированных сословий.

Проводя параллели с современными политическими практиками, необходимо отметить, что они в каких-то смыслах воспроизводят тот набор ограничений, сформулированный еще в далеком средневековье. И сейчас доступ на пляжи дорогих санаториев и пансионатов закрыт для малоимущих и социальных аутсайдеров, не способных оплачивать вызовы постиндустриального, услужливого мира.

Метаморфичность двойственна. Метаморфичность разрешается как в метафизическом плане, выступая некоей обусловленностью отношений власти, так и в конкретных ситуациях манифестации власти. Власть редуцируется за счет постоянного преобразования, выбросов энергетической лавы, смен состояния. Двойственность метаморфоз проявляется в их способности, с одной стороны, являться источником власти как таковой, характеризует ее тело по определению, с другой — может быть разрешена как свойство конкретного политического актора. Во втором случае метаморфоза может выступать неким освидетельствованием легитимности власти, что на «выходе» будет предполагать генерализацию влияния и обеспечение коммуникативного обмена между властью и обществом.

Обращение к метаморфозам свидетельствует о динамическом развитии политического процесса. «Все коммуникативные средства развиваются лишь при наличии специфических констелляций интеракций, а значит, и особых проблемных ситуаций, делая возможным разрешения последних»¹, — как-то заметил Н. Луман. Взгляд немецкого теоретика на развитие коммуникации как нель-

¹ Луман Н. Власть. / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 110.

за лучше вписывается в наши доводы по поводу обращения к метаморфозам как к лишнему доказательству права политического актора на дискурс, предполагающему, в том числе, и возможность артикуляции политического насилия на общественном теле.

Метаморфоза власти, ее трюк с изменением лица и формы, значительные структурные изменения, происходящие в течение короткого промежутка времени, — есть рефлексия на некие сомнения объекта в очевидных притязаниях власти на безусловность. Такое ощущение, будто бы общество понимает, что власть может выдохаться и издерживаться — обеспечение властной позиции требует огромных энергетических затрат. Кризис доверия к функциональности власти сопровождается прямыми или косвенными требованиями удивления, репрезентации трюка, метаморфического преобразования. Осуществляя показательное «извержение вулкана» в моменты кризиса легитимности, власть пролонгирует право на принятие и реализацию политических решений. В этом смысле довольно показательными могут быть изменения в формах и содержании политических практик власти, произошедшие после парламентских выборов 4 декабря 2011 года. Правящий класс России демонстративно объявлял, что снижение популярности пошло ему на пользу, обеспечив необходимые чистки рядов и метаморфозу самой философии власти, ее смещение в сторону социального и справедливого.

Репрезентация метаморфозы рассматривается нами как прерогатива исключительно сильных политических акторов. Не всем акторам знакомо искусство метаморфозы, стало быть, не каждый политический актер способен управлять своей легитимностью (читай, собственным телом). Король в сказке «Кот в сапогах» не испытывает метаморфоз, что не может не свидетельствовать о некотором дефиците харизматической и эзотерической легитимности, предполагающей наличие в субъекте некоего знания, располагающего к преобразению формы, а также мистической связи с провидением. Вообще, необходимо признать, что король в сказке испытывает дефицит легитимности, которая может базироваться и на экономической эффективности проводимой им политики. В частности, в сказке остается за скобками, насколько велико королевство, где правит будущий тесть маркиза Карабаса. Скорее всего, оно не выглядит значительным, что делает вполне объяснимым режим экономного правления, сокращения расходов и т.д.

Проблема корреспонденции легитимности и эффективности становится предметом политических штудий с появлением работ американского политолога С. Липсета, уверенно объяснявшего легитимность как одну из форм эффективности. По его мнению, легитимность есть «способность политической системы создавать и поддерживать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими, нежели какие-либо другие, которые могли бы быть установлены и которым следовало бы в результате подчиняться»². Легитимная власть ассоциируется с успешностью, с экономическими достижениями, позволяющими оправдать существующий порядок как наиболее опти-

² Lipset S. M. *Political Man. The Social Basis of Politic.* Baltimore. Maryland: The John Hopkins University Press Maryland, 1981. P. 300.

мальный и адекватный политическим реалиям. Эффективность представляется выгодным компромиссом между реальной практикой и психологическим состоянием общественных групп и классов, определенным образом успокоенных и удовлетворенных текущим положением дел и относительно рельефными, прописывающимися политическими перспективами.

В этом смысле королевская власть в сказке «Кот в сапогах» не выглядит экономически преуспевающей, что делает ее потенциальной мишенью для оппозиции. На наш взгляд, трудности экономического положения королевской власти достаточно недвусмысленно иллюстрируются на примере систематических подношений королю от маркиза Карабаса, производящихся через сомнительного посредника — кота. В принципе, напрашивающаяся компенсация влияния если и существует, то, скорее, в определенных табу, связанных с позицией короля как таковой, что, в свою очередь, обуславливается формальным правом, а отсюда — и юридическими ресурсами. Изначально невыразительная власть короля, наличие у него некоторого дефицита легитимности, отправляющегося от невозможности осуществлять метаморфозы, в какой-то степени сигнализирует о завершении жизненного цикла власти короля. Действительно, в конце сказки мы увидим манифестацию новой власти, более умной, пластичной, а отсюда, и склонной к метаморфозам.

Таким образом, судя по сказочному тексту, продуцирование метаморфоз исходит от других субъектов, в большей степени посвященных в их таинство и подготовленных к их периодическим манифестациям. Власть данных политических акторов обладает особой силой. В то же время, наиболее эффективной позицией в итоге оказывается не позиция конкретного правящего актора, во власти которого можно произвести игру с формой, а позиция некоего менеджера, заставляющего этого актора прибегать к подобным трансформациям с собственной формой. Именно такую позицию и занимает кот, знание которого оказывается самым значительным источником власти. Что касается самого маркиза Карабаса, то его способность к совершению метаморфозы носит мифологический характер — как мы видим, преобразование данного актора в сторону усиления его позиции зависит от тактических решений кота. Именно кот настоятельно советует королю подобрать маркизу Карабасу новую и дорогую одежду взамен якобы украденной у него во время купания. Поэтому не случайно, что «как только сын мельника надел красивую одежду, он сразу же приглянулся дочери короля»³. Тем не менее, метаморфические возможности тела маркиза Карабаса — сына мельника, хотя и первоначально существуют на уровне мифологизации, тем не менее, впоследствии приобретают и реальное разрешение. Метаморфическое преобразование «на выходе» способствует инкорпорации сына мельника в правящий класс, концентрирующий в своих руках как экономические, так и политические ресурсы, способствующие осуществлению контроля над дискурсом.

Марк Блок предвосхищал использование мифологизации метаморфозы в собственных интересах интеллектуальными и стратегичными политическими

³ Перро Ш. Волшебные сказки. М.: Дом, 1993. С. 48.

актерами. В «Королях-чудотворцах» он отмечал, что «народное сознание не расставалось с верою в священный характер королевской власти, унаследованный от древнейших времен и подкрепленный обрядами помазания и всем богатством монархических легенд, которыми очень умело пользовались иные хитроумные политики»⁴.

Текст «Кота в сапогах» как отражение *real policy* наводит нас на мысль об обращении к мифологизациям метаморфозы теми или иными политическими актерами. Инструментализация мифа о метаморфозе выступает эффективным механизмом инкорпорации в правящую элиту и кристаллизации в ней, поэтому использование данного преимущества зачастую предопределяет политический стиль конкретного актора. Вполне возможно, что у данной сказки могла существовать реальная политическая основа, ставшая поводом для мифотворчества (в том числе и в интересах правящего актора). Действительно, легитимность определенного короля могла базироваться на мощных мифологизирующих началах, в том числе и присваивающих ему сходство с людоедом. Мы предположим, что это не людоед, а такой же монарх, контролирующий политический дискурс в какой-то компактной локальности и использующий при этом какой-то чрезмерно тоталитарный и репрессивный набор принудительных схем (причем засекреченных и нарочито дискретных). Людоед постиг формулу оптимального давления на общественное тело «на выходе», обеспечившую ему высокую эффективность управления. Отсюда следует довольно справедливое восприятие власти как жуткого Молоха, артикулирующего свое внимание на человеческой плоти.

Противопоставление людоеда и короля разрешается Ш. Перро посредством их расселения, соответственно, в замок и дворец. Концептуализации замка и дворца, безусловно, призывают нас к поиску сходств и различий, присутствующих в легитимационных схемах правящих акторов. Замок противопоставляется дворцу как темная власть светлой. И если «замок призывает к повинению подвластное ему население, расположившееся вокруг этого центра власти»⁵, то дворец позиционируется более гостеприимным и доступным хронотопом. Дворец — центр интриг, балов, приемов, роскошных обедов — акцент устанавливается на внешних легитимирующих эффектах. Архитектурный замысел замка подчеркивает его доминирование над дворцом по вертикальной оси. В замке больше лестниц и переходов, что намекает на частое использование вертикальных перемещений по пространству и усиливает сердцебиение/напряжение.

В фокусе наших политических штудий замок оказывается сильнее дворца даже потому, что его населяет более сильный актер. Символическое содержание «замка» становится более конкретным и предписывающим, что, по словам Н. Лумана, может иметь возможности для усиления власти в контексте генерализации

⁴ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 577.

⁵ Исаев И. *Politica Hermetica*. Скрытые аспекты власти. М.: Юристъ, 2003. С. 273.

символов — «обобщения смысловых ориентаций, делающих фиксацию смысла различными партнерами»⁶. Людоед отличен от королей еще и особой формулой власти, включающей в себя метаморфические манифестации. Обращение к подобным практикам — следствие общественной потребности в чуде, следствие необходимости в демонстрации удивительных перформансов и действий.

Эпизодичность манифестации чуда целиком и полностью связывается с огромными возможностями власти, до поры до времени сохраняющимися в ее неиссякаемых энергетических кладовых. Поэтому повседневность власти может быть достаточно экономной на предмет демонстративных выбросов объективированных чудес на суд алкающей толпы. Действительно, «постоянная демонстрация своего ядра невыгодна власти, чудеса, способность к репродукции которых характеризует власть, теряют свое значение, попадая в поле обиходных репрезентаций»⁷.

Власть лучше сохраняется в экономном режиме, когда не приходится оперировать большими тратами. Описанные М. Блоком обряды исцеления золотушных французскими и английскими королями при помощи возложения рук и целительных колец не могли быть отнесены к každодневной политической обязанности — в данном случае они потеряли бы свой торжественный характер и харизматическое благоухание⁸. Продолжительность периодов манифестации тайны уступает периодам ее мистического сосредоточения — бытию, преимущественно поддерживаемому на уровне предположений и догадок объектов власти. Власть здесь нажимает очень важную кнопку, апеллируя к пониманию человеком самого себя, пониманию возможностей своего тела, своей материи, безусловно, уступающим возможностям тела власти — экзистенциального, вечного тела. Тело человека — хранилище тайн жизни и смерти, начала и конца, концентрированное бытие (в контексте нашего исследовательского фокуса — политическое бытие). Именно на данную связь обращал внимание М. Бахтин, когда говорил о том, что «превращение и тождество глубоко сочетаются в фольклорном образе человека. В особенно четкой форме это сочетание сохраняется и в народной сказке»⁹.

Скорее всего, именно поэтому кот прикрывается якобы муссирующимися слухами о метаморфических способностях людоеда, хотя сам наверняка мог бы проделать эксперименты с собственным телом и формами в интересах политической легитимации. «Ходят слухи, — сказал кот, — что вы умеете превращаться в какого угодно зверя, например, во льва, в слона...»¹⁰ — политический дискурс людоеда действительно расположен к мифотворчеству в интересах правящего

⁶ Луман Н. Власть. / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 52.

⁷ Скиперских А. Дискурс легитимации власти: герменевтика, теоретические модели, механизмы функционирования. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 39.

⁸ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 82.

⁹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 262.

¹⁰ Перро Ш. Волшебные сказки. М.: Дом, 1993. С. 50.

актера. С другой стороны, заданный вопрос может демонстрировать стремление kota узнать порог метаморфических экспериментов людоеда, чтобы измерить этим свои собственные потенции. В любом случае, вряд ли содержание данного вопроса может выглядеть однозначным, наделяя нас вполне адекватной объяснительной схемой.

Политический актер, которому знакома технология метаморфозы, может периодически прибегать к ней ради достижения легитимности. В сказке превращения во льва и в мышь выступают некими полюсами преобразования тела людоеда. В этом освидетельствуется способность власти к генерализации влияния, к продуцированию гигантических форм презентации, с одной стороны, и способность к маневренности и незаметности — с другой. Действительно, когда власть осуществляет метаморфозу ради обеспечения легитимационных стратегий — это, безусловно, может свидетельствовать о способности выбирать любые средства, обеспечивающие результат «на выходе». Многоликость власти есть свидетельство ее постоянных метаморфических объективаций. Проводя параллели с реальной политикой, следует обратить внимание, как часто метаморфические технологии использует В. Путин, представляясь избирателям в самых неожиданных ракурсах.

У короля есть два тела — два образа, писал немецкий исследователь Э. Канторович. И если первое тело — физическое, плотское — еще способно быть подвержено вызовам умершвления, то, другое — политическое тело — остается в неприкосновенности, практически не испытывая каких-либо значительных вызовов¹¹. Российский избиратель, уставший и тайком вынашивающий надежду либерализации, наверняка невольно содрогнулся, узнав об очередной рокировке правящего тандема, преподнесенной едва ли не как самая главная новость 2011 года. Власть здесь напомнила о своей онтологической природе, о способности контролировать психологическую и физическую чувствительность индивида.

На наш взгляд, склонность власти к метаморфозам и экспериментам с собственным телом может объясняться еще и необходимостью опровержения предельности телесного. Онтологичность власти сама по себе отменяет предельность, а метаморфоза здесь выступает своеобразным свидетельством постоянного воскрешения власти. Разве не вызывает порой удивление, как удается конкретному составу политиков сохранять контроль над политическим дискурсом в условиях постоянного снижения популярности?!

Следует также иметь в виду, что «больной и мертвый организм интересен как проявление всеобщей метаморфичности, органической эволюции, “с точки зрения” которой и болезни и сама смерть — фаза единого жизненного процесса, аксиоматически удостоверяющего свою недискретность и континуальность в феноменальном многообразии природного мира»¹². Удивительные метамор-

¹¹ См.: Kantorowicz E. N. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957.

¹² Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. С. 176.

фические способности людоеда могли позволять ему «сыграть» собственную смерть, симулировать ее, сделать ее доказуемой и правдоподобной. Тем более удивительным и показательным после этого могло выглядеть выздоровление власти, расправление ее крыльев.

Метаморфозы, порождаемые субъектом власти и усиливающие его легитимность, не касаются исключительно изменений фактуры как таковой. Было бы слишком наивно делать выводы на основании неких очевидных освидетельствований метаморфозы. Мошь метаморфозы пронизывает и другие порядки — мир духовный также подвергается ее обволакиванию и расщеплению. Здесь следует согласиться с Н. Щербининой, по словам которой, «любая самая светлая власть может превратиться во власть не только “красную”, но и “черную”, а значит, зло как таковое неабсолютно в его одноприродности свету»¹³. Автор справедливо отмечает, что сказочные метаморфозы часто экстраполируются и на реальную политику, что любезно предоставляет для реальной политики готовые сюжеты.

Было бы слишком просто считать, что превращение людоеда в мышь есть последняя метаморфоза людоеда. Вряд ли можно согласиться с тем, что такой сильный актер, как людоед, вдруг почил в желудке хитрого кота. Рассуждая так, мы принимаем во внимание, скорее, орбитальные эффекты метаморфического преобразования. Способность осуществления таинств преобразования, относящаяся к внутренним свойствам, к действию особого сознания, бесспорно, одно из сильнейших качеств власти. Людоед, превращенный самим собой в мышь, может вполне решиться на новую трансформацию, носящую теперь уже вынужденный характер. Высвобождение сильного актора из конфузной ситуации не заставит себя долго ждать. Вполне вероятно, что метод высвобождения будет найден. Людоед снова превратится в ключевого актора и обнулит ситуацию, восстановит *status quo*. Вызревание людоеда в желудке кота определенно может связываться с принятием верного решения, поиском выгодной и результативной формы преобразования. Температура в желудке может быть приблизительно такой же, как и в алхимической печи. Данное испытание устраивается герою для его интеллектуального и духовного взросления. Людоед получает новый опыт взаимодействия с объектным полем, обернувшийся для него неожиданным конфузом. Но, пройдя данный круг, людоед уже вряд ли повторит подобный метаморфический опыт, движимый льстивыми увещаниями кота. Проводя параллели с реальной политической практикой, можно отметить, что она наполнена ситуациями, когда политическое партнерство оказывается разорванным, что заставляет политических акторов зачастую пересматривать договоренности в самый последний момент. В политике возможности риторического искусства значительно опережают физическую реализацию, что вскрывает некую дуальность политического деятеля.

Что касается авторского взгляда, безусловно, несущего характер предположений и аппетитного фантазерства, вопрос судьбы людоеда выглядит вполне проясненным потому, что в политическом процессе существует конкуренция

¹³ Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. М.: Весь мир, 2002. С. 15.

между правящими элитами и контрэлитами (оппозицией), элиты подвержены циркуляции. Даже самая одиозная и непопулярная власть, эрозия которой рассматривается как совершенно фантастическое событие, может испытывать кризис легитимности, уступая право на осуществление власти более мобилизованному и популярному политическому актору. Власть маркиза Карабаса, ставшего новым хозяином замка, выглядит перманентной и зависимой от такой конъюнктуры, как политическое поведение людоеда, от его желания восстановления *status quo*. Ввиду изначальной ограниченности ресурсов новой элиты и ее слабых резервов для автономных метаморфических преобразований можно предположить, что ее легитимность будет слабой и зависимой от времени, необходимого для пробуждения сознания людоеда.

Способность осуществления метаморфического преобразования выступает важнейшим источником власти, гарантией его политической легитимации. Склонность к репрезентации метаморфических процедур отличает поисковый характер власти, ее экспериментаторскую ориентацию, свидетельствуя о постоянном совершенствовании субъекта власти. Вызовы демократизации заставляют правящих акторов по-новому смотреть на технологию удержания власти. Именно метаморфические эксперименты как раз и способствуют легитимации власти, ее утверждению в новом политическом жизненном цикле.

Список литературы

1. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 262.
2. *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
3. *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.
4. *Исаев И.* *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. М.: Юристь, 2003. 575 с.
5. *Думан Н.* Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
6. *Перро Ш.* Волшебные сказки. М.: Дом, 1993. 128 с.
7. *Скиперских А.* Дискурс легитимации власти: герменевтика, теоретические модели, механизмы функционирования. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. 186 с.
8. *Щербинина Н. Г.* Герой и антигерой в политике России. М.: Весь мир, 2002. 116 с.
9. *Kantorowicz E. H.* *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 1957. 568 p.
10. *Lipset S. M.* *Political Man. The Social Basis of Politic*. Baltimore. Maryland: The John Hopkins University Press, 1981. 586 p.